

S protjanutoj rukoj : Niščie niščenstvo v poslevoennom SSSR

Elena Zubkova

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/9138>
DOI : 10.4000/monderusse.9138
ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 20 septembre 2008
Pagination : 441-474
ISBN : 978-2-7132-2196-5
ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Elena Zubkova, « S protjanutoj rukoj : Niščie niščenstvo v poslevoennom SSSR », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 49/2-3 | 2008, mis en ligne le 01 janvier 2011, consulté le 24 février 2023. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/9138> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.9138>

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_49&ID ARTICLE=CMR_492_0441

S protjanutoj rukoj : Nišcie nišcenstvo v poslevoennom SSSR

par Elena ZUBKOVA

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2008/2-3 - Vol 49

ISSN 1252-6576 | ISBN 9782713221965 | pages 441 à 474

Pour citer cet article :

— Zubkova E., S protjanutoj rukoj : Nišcie nišcenstvo v poslevoennom SSSR, *Cahiers du monde russe* 2008/2-3, Vol 49, p. 441-474.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

ЕЛЕНА ЗУБКОВА

С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

Нищие и нищенство в послевоенном СССР*

В нашей стране нет безработицы, которая является бичом трудающихся в капиталистических странах, нет нищеты и голода.

Проект Закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами», 1957 г.

В то победоносное, маршевое время этих людышек никто не замечал и не думал о них, разве что Господь Бог и легавые власти, что и понятно: они, грешные, всегда были виноваты. Но невзирая на это, человечки жили своей непридуманной жизнью, по-своему кормились, ругались, любились, развлекались и на вопрос «Как живете?» отвечали: «Пока живем»...

Эдуард Кочергин, *Ангелова кукла*

Тезис о том, что в Советском Союзе нет нищеты, голода и безработицы, был одним из базовых концептов построения позитивного имиджа советского государства и советского строя вообще. Образ СССР как государства классовой, а потом и социальной справедливости, «народного благодеяния» подразумевал преодоление социальных аномалий – нищенства, бездомности, проституции, которые пропаганда определила в разряд «пережитков прошлого», «родимых пятен капитализма». Когда в 1957 г. в процессе подготовки нового законодательства против «антиобщественных элементов» в текст проекта закона включили формальный тезис об отсутствии в СССР голода и нищеты, некоторые

* Данная статья является частью проекта «Социальный порядок и асоциальные группы в СССР: интеграционные стратегии и практики исключения, 1940-е–1960-е годы». В 2009 г. проект осуществляется в рамках направления «Культурные основы интеграции» университета г. Констанц (Exzellenzcluster „Kulturelle Grundlagen von Integration“, Universität Konstanz).

участники обсуждения проекта сочли его неуместным. Им не хотелось, чтобы слово «нищета» упоминалось хоть в каком-либо контексте с Советским Союзом. Законодатели опасались нежелательных аллюзий: спустя 40 лет после установления советской власти бедность и нищенство продолжали омрачать картину советской повседневности. Говорить в этой связи о «родимых пятнах капитализма» было уже неприлично, публично признать существование социального «дна» в стране, где вот-вот будет объявлено о «полной и окончательной победе социализма» - невозможно. Но проблему надо было решать. Борьба с нищенством – еще одна сторона советской жизни, о которой до сих пор мы знаем совсем немного.

Изучение проблем бедности и нищенства в западноевропейской историографии имеет давнюю и устойчивую традицию. В качестве тенденции последних лет можно отметить развитие сравнительных исследований, представляющих проблему в общеевропейском контексте («трирский проект»)¹. Россия пока с трудом вписывается в этот контекст, хотя наметились первые позитивные шаги в данном направлении: в одном из последних томов «трирского проекта» были опубликованы статьи Хубертуса Яна и Марии Кудрявцевой, посвященные положению нищих и политике по отношению к ним в Петербурге до революции и в конце 20 века². Хронологический разрыв между этими публикациями длиною в советский период весьма точно отражает состояние современной историографии³. Несмотря на интенсивное изучение советского прошлого с позиций социальной и культурной истории, нищие как социальная категория и нищенство как социальное явление до сих пор редко попадали в поле интереса историков. Подобное игнорирование проблемы представляет собой резкий контраст по сравнению не только с западноевропейской историографией, но и с российской дореволюционной традицией, когда о нищих писали много, особенно во второй половине 19 - начале 20 века.

Как правило, жизнью обитателей «дна», городских трущоб в числе первых стали интересоваться не историки, а писатели и публицисты –

¹ Эти исследования выполнены в рамках большого международного проекта университета города Трир (Германия) по изучению практик исключения/инкорпорации «чужих» и «бедных» в европейских обществах со времен античности до современности. См., например: B. Althammer, Hrsg., *Bettler in der europäischen Stadt der Moderne: Zwischen Barmherzigkeit, Repression und Sozialreform*, Frankfurt am Main [u.a.]: Lang, 2007; A. Gestrich, L. Raphael, Hrsg., *Inklusion/Exklusion Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart*, Frankfurt am Main [u.a.]: Lang, 2006; L. Raphael, H. Uerlings, Hrsg., *Zwischen Ausschluss und Solidarität: Modi der Inklusion/Exklusion von Fremden und Armen in Europa seit der Spätantike*, Frankfurt am Main [u.a.]: Lang, 2004.

² H. Jahn, «Das St. Petersburger Bettlerkomitee, 1837 – 1917», in Althammer, *Bettler in der europäischen...*; M. Kudryavtseva, «Bettler in St. Petersburg am Ende des 20. Jahrhunderts. Einige Porträts», *Ibid*.

³ Одним из свидетельств существования этой историографической «лакуны» служит сборник, посвященный проблемам нищенства в России, в котором опубликованы главным образом работы авторов XIX-начала XX вв.: Б.П. Миловидов, сост., *Нищенство: Рестроспективы проблемы*, СПб.: Крига, 2004.

С.В. Максимов, А.И. Свирский, В.В. Крестовский, В.А. Гиляровский и др.⁴ Работали они, выражаясь языком современных социологов, в режиме «включенного наблюдения»⁵, погружаясь в мир нищих и бродяг, изучая условия их жизни, язык и нравы, поэтому их наблюдения весьма полезны для современных историков⁶. Спустя столетие эту традицию на «советском материале» продолжил Эдуард Кочергин⁷. Серия его рассказов об инвалидах, нищих, уголовниках послевоенного Ленинграда – зарисовки городской повседневности 1940-х - 1950-х годов, точнее ее «задворок», сделанные с натуры наблюдательным художником и блестящим рассказчиком.

Первое обстоятельное исследование нищенства в дореволюционной России принадлежит Августу Левенстиму⁸, который использовал большой комплекс статистических и других материалов, собранных специально учрежденной для этих целей комиссией⁹. В дальнейшем традиция изучения нищенства этого периода истории России оказалась прерванной, хотя нищие, бродяги и прочие пауперы эпизодически появлялись на страницах книг, посвященной городской жизни конца 18 - начала 20 веков. Только у авторов, занимающихся историей благотворительности и признания бедных, эта тема нашла достойное внимание¹⁰. Началом систематического исследования нищенства в России дореволюционного периода как социального и

⁴ С.В. Максимов, «Бродячая Русь Христа-рады», он же, *Собрание сочинений в 20 томах*, Т. 5, СПб., 1908; А.И. Свирский, «Мир нищих и пропойц», он же, *Погибшие люди: Очерки*, в 3 томах, т. 3, СПб., 1898; В.В. Крестовский, *Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных*, М., 1990 (первое издание 1867 г.); В.А. Гиляровский, *Трущобные люди*, М., 2007 (первое издание 1887 г.).

⁵ Таким образом оценивает методы работы публицистов 19 века Мария Кудрявцева, которая повторила данный опыт в современный условиях, внедрившись в ряды нищих (М. Кудрявцева, *Драматургия попрошайничества*, http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik9/9_kudr.htm; последний доступ март 2009 г.).

⁶ Отмечая достоинства художественно-публицистических публикаций «реалистического направления» об обитателях социального «дна», Хубертус Ян вместе с тем справедливо отмечает, что историк в данном случае все-таки имеет дело с литературными произведениями, т.е. с исторической («культурной») реконструкцией реальности (H. Jahn, «Bettler in St.Petersburg: Gedanken zur kulturellen Konstruktion sozialer Realität», in Guido Hausmann, ed., *Gesellschaft als lokale Veranstaltung: Selbstverwaltung, Assozierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002, p. 443)

⁷ Э. Кочергин, *Ангелова кукла: Записки рисовального человека*, СПб.: Изд. Лимбаша, 2006.

⁸ А.А. Левенстим, *Профессиональное нищенство: Его причины и формы*, СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1900; Миловидов, *Нищенство...*, с. 18 – 92.

⁹ Имеется в виду Комиссия для разработки вопроса о мерах против профессионального нищенства и бродяжничества при Министерстве юстиции. Кроме того А.А. Левенстим в своем исследовании использовал материалы Николаевского комитета о разборе и признании нищих в Санкт-Петербурге.

¹⁰ A. Lindenmeyer, *Poverty is not a Vice : Charity, Society, and the State in Imperial Russia*, Princeton: Princeton University Press, 1996; Г.М. Ульянова, *Благотворительность в Российской империи : XIX - начало XX вв.*, М.: Наука, 2005.

культурного феномена стали публикации Хубертуса Яна, Игоря Голосенко, Людмилы Каушпур¹¹.

Советскому периоду в этом смысле повезло значительно меньше. После актуальных исследований 1920-х годов, посвященных социальным аномалиям и нищенству в том числе¹², проблема эта специально не изучалась, однако она рассматривалась в контексте с другими социальными девиациями 1920-1930-х гг. в публикациях Геннадия Бордюгова, Наталии Лебиной, Шейлы Фитцпатрик, Дэвида Ширера¹³. Среди отдельных категорий населения могут быть отмечены группы риска, представители которых чаще других вынуждены были прибегать к нищенству – престарелые люди, инвалиды, беспризорные дети. О нищенстве беспризорников и сирот в довоенный период существует несколько исследований, самое обстоятельное из них принадлежит Аллану Боллу¹⁴. О беспризорности и нищенстве детей в послевоенные годы писали Мария Зезина, Катрин Боекх, Рейчел Грин¹⁵. Инвалидам войны посвящены публикации Беаты Физелер и Марка Эделе¹⁶.

¹¹ H. Jahn, «Der St. Petersburger Heumarkt im 19. Jahrhundert. Metamorphosen eines Stadtviertels», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Bd. 44, 1996, с. 162-177; *Ibid.*, «Bettler in St.Petersburg: Gedanken zur kulturellen Konstruktion sozialer Realität», *Gesellschaft als lokale Veranstaltung*, с. 433-446; *Ibidem*, «Das St. Petersburger Bettlerkomitee, 1837-1917», in Althammer, *Bettler in der europäischen...*; Л. Каушур, «“Мамаша” с поленом: Из истории нищенского промысла», *Родина*, 1996, № 4, с. 43-47; И.А. Голосенко, «Нищенство как социальная проблема (Из истории дореволюционной социологии бедности)», *Социологические исследования*, 1996, № 7, с. 27-35; там же, № 8, с. 18-25.

¹² Наиболее известным исследованием проблемы нищенства в 1920-е гг. является работа А.А. Гершензона (А.А. Гершензон, «Нищенство и борьба с ним в условиях переходного периода», Е.К. Краснушкина и др., ред., *Нищенство и беспризорность*, М.: Мосздравотдела, 1929).

¹³ Г.А. Бордюгов, «Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20-30-е годы)», *История СССР*, 1989, № 1, с. 60-73; Н.Б. Лебина, М.В. Шкаровский, *Проституция в Петербурге: 40е гг. XIX в.- 40е гг. XX в.*, М.: Прогресс Академия, 1994; Н.Б. Лебина, *Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 годы*, СПб.: Журнал Нева : Летний Сад, 1999; S. Fitzpatrick, *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*, Oxford [u.a.]: Oxford University Press, 1999; D. Shearer, «Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD during the 1930s», *Cahiers du monde russe*, 42/2-3-4 (2001), p. 525-529.

¹⁴ A. Ball, *And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918-1930*, Berkeley: University of California Press, 1994. См. также: А.Ю. Рожков, «Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие», *Вопросы истории*, 2000, № 1, с. 134-139; Н.В. Рябинина, *Детская беспризорность и преступность в 1920-е гг.*, Ярославль: ЯрГУ, 1999.

¹⁵ М.Р. Зезина, *Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945-1955)*, *Вопросы истории*, 1999, № 1, с. 127-136; Она же, «Без семьи: сироты послевоенной поры», *Родина*, 2001, № 9, с. 82-87; K. Boeck, *Stalinismus in der Ukraine: Die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg*, Wiesbaden: Harrassowitz, 2007, с. 451-474; R. Green, «There Will Not Be Orphans Among Us»: *Soviet Orphanages, Foster Care, and Adoption, 1941-1956*, Diss. Chicago, 2006.

¹⁶ B. Fieseler, «Arme Sieger. Die Invaliden des Großen Vaterländischen Krieges», *Osteuropa*, 55 (4-6), 2005, Themenheft: *Kluften der Erinnerung. Deutschland und Russland 60 Jahre nach dem Ende des Zweiten Weltkriegs*, с. 207-217; Б. Физелер, «“Нищие победители”: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе»,

Положение пожилых людей, инвалидов в советской системе социального обеспечения, практики исключения инвалидов из «здорового» социума стали предметом исследования Андреа Чэндлер, Ольги Шек и др.¹⁷ В книге Вениамина Зимы распространение нищенства рассматривается как одно из следствий продовольственного кризиса и голода 1946-1947 гг.¹⁸

Одним из главных инструментов борьбы с нищенством и бродяжничеством в Советском Союзе была паспортная система, особенности функционирования которой рассматриваются в работах Василия Попова, Натали Муан, Дэвида Ширера¹⁹. В 1950-е годы нищие в числе других групп населения стали объектом нового законодательства, направленного против так называемых «паразитов общества». Еще в конце 1950-х и 1960-е гг. советские законы о «паразитах» активно комментировались западными историками права²⁰, однако их комплексный анализ стал возможен только после открытия российских архивов. Политике государства по конструированию асоциальной идентичности в контексте «антипаразитного» законодательства посвящена статья Шейлы Фитцпатрик²¹. Вопрос о том, как советский нормирующий дискурс асоциальности преломлялся в практиках отношения к маргинальным группам населения в восточноевропейских странах, в частности в ГДР,

Неприкосновенный запас, 40/41 (2-3), 2005, с. 290-297; *Ibid., Arme Sieger. Die Invaliden des "Großen Vaterländischen Krieges" der Sowjetunion 1941-1991*, Köln: Boehlau, 2009 (в печати); M. Edle, *Soviet Veterans of World War II: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941-1991*, Oxford: Oxford University Press, 2009.

¹⁷ A. Chandler, *Shocking Mother Russia: democratization, social rights, and pension reform in Russia, 1990-2001*, Toronto: University of Toronto Press, 2004; О. Шек, «Социальное исключение инвалидов в СССР», П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова, ред., *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в. : Сборник научных статей*, Саратов, 2005, с. 375-397.

¹⁸ В.Ф. Зима, *Голод в СССР 1946-1947 годы: происхождение и последствия*, М.: Институт российской Истории РАН, 1996.

¹⁹ В.П. Попов, «Паспортная система в СССР. 1932-1976», *Социологические исследования*, № 8-9, 1995; N. Moine, «Système des passeports, marginaux et marginalisation en URSS, 1932-1953», *Communisme*, 70/71, 2003, с. 87-108; Н. Муан, «Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему», Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов, ред., *Режимные люди в СССР*, М.: РОССПЭН, 2009, с. 257-276; D. Shearer, «Elements Near und Alien: Passportization, Policing and Identity in the Stalinist State, 1932-1952», *Journal of Modern History*, 76 (4).

²⁰ R. Beermann, «The Parasites Law», *Soviet Studies*, 1961-1962 (2), с. 191-205; A. Bilinsky, «Parasitengesetze in der Sowjetunion», *Jahrbuch für Ostrecht*, 1961 (2), с. 111-146; F.-Ch. Schroeder, «Verschärfung der „Parasitenbekämpfung“ in der DDR: Vergleich zu den übrigen sozialistischen Staaten», *Deutschlandarchiv*, 1976, с. 834-843; *Ibid., Das Strafrecht des realen Sozialismus: Eine Einführung am Beispiel der DDR*, Opladen: Westdt. Verl., 1983.

²¹ S. Fitzpatrick, «Social parasites : How tramps, idle youth, and busy entrepreneurs impeded the Soviet march to communism», *Cahiers du monde russe*, 47 (1-2), с. 377-408; III. Фицпатрик «“Паразиты общества”: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР», *Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940-1985*, Москва, 2008, с. 219-254.

нашел отражение в работах Свена Корцилиуса и Томаса Линденбергера²². В целом же государственная политика преодоления бедности и нищенства в СССР послевоенного периода не стала объектом специального исследования, хотя исторические экскурсы на эту тему присутствуют в некоторых работах более общего характера, относящихся главным образом к современному периоду²³. Проблема нищих и нищенства, таким образом, обсуждалась в разных контекстах социальной и политической истории советской эпохи, но она никогда не становилась фокусом этих исследований.

Что же представляло собой нищенство послевоенных лет как социальный феномен? Как власть пыталась решить проблему нищенства и на каких принципах строилась государственная политика в области преодоления социальных девиаций? Каково было отношение к людям, просияющим милостыню, со стороны социального окружения и какие рецепты лечения «болезни» предлагались обществом? Данная статья представляет собой попытку ответить на эти вопросы. Хронологически она охватывает период с 1945 по 1961 годы, т.е. с момента окончания войны до издания закона против так называемых «паразитов общества». Нищие в официальном дискурсе были маркированы именно таким определением, а закон о «паразитах» завершил серию попыток подвести под борьбу с нищенством нормативную базу.

«Лицо» послевоенного нищенства: численность, состав, мотивации

Советская повседневность послевоенных лет имела свои отличительные приметы, следы минувшей войны. Всплеск нищенства – явление из этого ряда. Ситуация вызывала в памяти 1920-е годы, когда после революции и Гражданской войны нищая и беспризорная братия заполнила улицы городов, промышляла в поездах, заняла свои места на папертях еще не закрытых тогда храмов. Вторая мировая война вновь привела к дезорганизации устоявшегося было социального порядка и к усилению процессов маргинализации в советском социуме. Обнищание населения, бездомность

²² S. Korzilius, «Asoziale» und «Parasiten» im Recht der SBZ, DDR: Randgruppen im Sozialismus zwischen Repression und Ausgrenzung, Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2005; T. Lindenberger, «“Asoziale Lebensweise”. Herrschaftslegitimation, Sozialdisziplinierung und die Konstruktion eines “negativen Milieus” in der SED-Diktatur», *Geschichte und Gesellschaft*, 2005 (2), s. 227-254.

²³ См., например: О.А. Лиходей, *Профессиональное нищенство и бродяжничество как социальный феномен*, СПб.: Петербургский гос. Университет водных коммуникаций, 2004; J. Braithwait, «The Old and New Poor in Russia», Jeni Klugman, ed., *Poverty in Russia: public policy and private responses*, World Bank Publications, 1997, с. 29-64; N. Rimashevskaya, *Poverty Trends in Russia: a Russian Perspektive*, Ibid., с. 119-132.

миллионов людей, массовое сиротство, появление целой армии инвалидов – все это служило почвой для возрождения нищенства в массовых масштабах. О том, что это было массовое явление, говорят прежде всего свидетельства современников, точной статистики нищенства в первые послевоенные годы не было, сколько-нибудь достоверные учетные данные появились только в 1954 г.

Советский нормативный дискурс относил нищенство (попрошайничество) к разряду антиобщественных проявлений и разновидности паразитического существования. Однако вплоть до начала 1960-х годов в нормативных документах не были прописаны содержательные характеристики этой формы социальных девиаций²⁴. Только после появления в новом Уголовном кодексе 1960 г. соответствующей статьи, предусматривающей ответственность за занятие бродяжничеством и попрошайничеством, они получили соответствующее толкование²⁵. Советский нормативный дискурс и административная практика различали два вида попрошайничества – профессиональное и случайное. Соответственно этому нищенствующая публика делились на две категории: 1) «профессиональные» нищие, для кого нищенский промысел стал основным источником существования; 2) «случайные» нищие, которых просить подаяние вынудили жизненные обстоятельства (или, выражаясь официальным языком, кто «впал во временную нужду»). Правоохранительные органы обращали внимание на возрастной и социальный состав контингента нищих. По этому принципу нищие делились на несколько категорий: инвалиды (войны, труда, случая, детства), престарелые люди, женщины с детьми, дети и подростки.

О масштабах распространения нищенства после войны, как и о составе нищих, можно судить на основании данных о результатах проведения отдельных милицейских операций и кампаний по удалению нищих из

²⁴ Нечеткость нормы, маркирующей понятие «нищенства», было свойственно не только советской эпохе. Хубертус Ян отмечает в качестве характерной черты расплывчатость, растяжимость содержательных границ этого понятия, зафиксированного в нормативных документах 18-19 веков. Особенно это касалось попыток дифференцировать нищенство, выделить из его состава «прямых» нищих, вынужденных заниматься этим ремеслом в силу жизненных обстоятельств, и мещанников-«профессионалов», для которых нищенство превратилось в прибыльный промысел (Jahn, «Bettler in St. Petersburg...», с. 440-441).

²⁵ «Попрошайничество – выпрашивание у граждан или организаций (государственных, общественных или, например, у религиозных общин) денег, одежды, продуктов питания и т.п. лицом, уклоняющимся от общественно полезного труда, для которого попрошайничество является единственным или дополнительным источником существования, либо лицом, полностью обеспеченным трудовым источником существования (получает пенсию, находится на иждивении детей или родителей или на государственном попечении и т.д.), но совершающем попрошайничество ради пьянства, накопления средств и т.д. Отдельные случаи попрошайничества, связанные со случайнym стечением тяжелых личных обстоятельств, встречаются редко и общественной опасности не представляют». (Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г., Л., 1962, с. 356).

городов. Обычно такие специальные операции организовывались в местах скопления нищих – на вокзалах, рынках, в поездах. Например, в ходе проведения рейда московской милиции 22 мая 1946 г. в пригородных поездах Московского железнодорожного узла был задержан за нищенство 241 человек, половина из них оказались инвалидами (слепыми, глухонемыми, ампутированными), в том числе 49 человек – инвалидами Отечественной войны. Среди задержанных за попрошайничество было 46 стариков и 47 подростков²⁶. Таким образом, основной контингент нищих состоял из нетрудоспособных людей.

Эти данные о составе нищих подтвердили и более масштабные кампании по их изъятию, организованные по всей стране. Эти акции стали проводиться на основании и во исполнение указа от 23 июля 1951 г. «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами»²⁷. Указ имел целевое назначение и был направлен против двух категорий населения – нищих и бродяг. По данным МВД СССР, за первые полгода применения указа от 23 июля 1951 г. было задержано за попрошайничество почти 107.766 человек, в 1952 г. – 156.817, в 1953 – 182.342 человека. Подавляющее большинство нищих – 70% – были инвалидами, преимущественно инвалидами войны. Так называемые «профессионалы» среди нищих составляли около 10%, еще 20% пришлось на долю тех, кто испытывал «временную нужду». Среди профессиональных нищих доля трудоспособных тоже не превышала 3%. На самом деле, и эти данные, как признавались работники милиции, очень приблизительно отражали реальные масштабы нищенства в стране. Многие нищие задерживались несколько раз: среди них были даже своего рода рекордсмены, побывавшие в милиции до 30 раз²⁸.

Данные статистического учета нищих 1954 г. зафиксировали несколько иную картину²⁹. Изменения коснулись не только общей численности лиц, занимающихся нищенским промыслом, но и состава «нищей братии». Учет нищих проводился территориальными отделениями милиции, т.е. он касался лиц, имеющих определенное место жительства. Таковых на 1 августа 1954 г. было учтено 20.509 чел. Подобный подход, с одной стороны, более адекватно отражал положение с нищенством, поскольку фиксировал сам факт занятия попрошайничеством, а не количество задержаний. Но с другой стороны, статистика оставалась неполной, поскольку в нее не попадали лица, не

²⁶ Докладная записка Министерства внутренних дел СССР о положении с нищенством. 8 июня 1946 г., ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации), ф. Р-5446, оп. 48а, д. 2469, л. 45.

²⁷ Порядок об указе от 23 июля 1951 г. см. следующий раздел данной статьи.

²⁸ Докладная записка Министерства внутренних дел СССР о результатах применения Указа от 23 июля 1951 г. 20 февраля 1954 г., РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории), ф. 5, оп. 30, д. 78, л. 41-42.

²⁹ Статистические данные Министерства внутренних дел СССР о количестве лиц, занимающихся нищенством на 1 августа 1954 г., ГА РФ, ф. Р-9415, оп. 3, д. 255, л. 256-258.

имеющие прописки, но занимающиеся нищенством, главным образом на транспорте. По оценкам экспертов, их доля среди всех нищенствующих составляла не менее 20%. Поэтому специалисты из правоохранительных органов оценивали общее количество лиц, занимающихся попрошайничеством, в стране в пределах 25.500 человек.

Среди 20.509 человек, учтенных территориальными органами милиции, 8900 чел., или 43,3%, составляли инвалиды. Из них только 12,4% были инвалидами войны, остальные – инвалиды труда, случая и инвалиды детства. Снижение доли военных инвалидов в составе нищенствующей публики произошло не в последнюю очередь в результате проведения целенаправленной политики по их удалению из городов и изоляции в специальных интернатах. Подавляющее большинство занимающихся нищенством, 80%, были людьми нетрудоспособными – по возрасту или по инвалидности. На долю профессиональных нищих приходилось около 9%, всего 1.818 чел. Вопреки распространенному мнению о том, что среди нищих много женщин с малолетними детьми, таковых на учете состояло 735 человек, или 3%. Более половины поставленных на учет нищих занимались своим ремеслом от случая к случаю и 42% – постоянно.

О характере и мотивах послевоенного нищенства мы можем судить главным образом на основе ведомственных документов – милиции, суда, прокуратуры. Особенность этих материалов состоит в том, что, фиксируя наличие нищенства как проблемы, они практически не содержат рефлексий относительно причин распространения этого явления. В то же время в документах иногда признается, что нищенство часто носит вынужденный характер и происходит по причине «материальной необеспеченности»³⁰. О бедности и обнищании в этой связи не упоминается. Примечательно, что, даже сталкиваясь лицом к лицу с человеческой нуждой, милиционерские работники и вообще люди, облеченные властью, не осмеливались называть вещи своими именами, скрывая истинное положение дел за эвфемизмом вроде «материальная необеспеченность» или еще более невнятным выражением – «недостаточная материальная обеспеченность». Определить степень «достатка», точнее прожиточный минимум, было довольно трудно, поскольку уровень бедности в Советском Союзе стали измерять только с начала 1960-х годов, а такие понятия, как «прожиточный минимум» и «уровень малообеспеченности» появились еще позднее, в начале 1970-х гг.³¹

Милиционская статистика 1954 г. позволяет оценить степень зависимости занятия попрошайничеством от наличия или отсутствия социальной поддержки в виде пенсий, пособий, опеки родственников и т.д. Так, среди занимающихся нищенством только треть получали пенсии или имели другие

³⁰ Докладная записка Министерства внутренних дел СССР о положении с нищенством, 8 июня 1946 г., л. 45.

³¹ Braithwait, «The Old and New Poor...», р. 30; Н.М. Римашевская, «Бедность и маргинализация населения», СОЦИС, 2004, № 4, с. 33.

виды обеспечения. Вместе с тем однозначной зависимости между наличием пенсии и нищенством не существовало. Так, среди нищенствующих инвалидов войны практически 90% были обеспечены пенсиями и пособиями, однако вместе с тем 70% из них занимались нищенским промыслом постоянно и лишь треть – от случая к случаю. Среди инвалидов детства, замеченных в попрошайничестве, пенсии и пособия получали только 18%, а постоянно занимались нищенством 40%³². Эти данные свидетельствуют о том, что наличие пенсии само по себе не служило гарантией от нищенства. Советская система пенсионного обеспечения была дифференцированной и слабо ориентированной на реальный прожиточный минимум, поэтому для некоторых категорий граждан носила вообще символический характер.

Например, в Калининской области из 40 пенсионеров, занимающихся попрошайничеством, 27 человек получали именно такую символическую пенсию – от 15 до 75 руб. в месяц. Для сравнения: на содержание одного человека в инвалидном доме государство выделяло 438 руб. в месяц (данные 1951 г.)³³. В Орле не раз задерживался за попрошайничество слепой инвалид. Он получал пенсию 75 руб. и зарабатывал в качестве надомника еще 120-150 руб. в месяц. На изживении инвалида находились жена, тоже слепая, и четверо малолетних детей в возрасте от года до семи лет³⁴.

Инвалиды Отечественной войны первой и второй группы, т.е. люди полностью утратившие трудоспособность или сохранившие ее лишь частично, могли рассчитывать на максимальный размер пенсии в 560 руб. (для рядового, сержантского и старшинского состава)³⁵. На самом деле военные пенсии часто тоже не обеспечивали прожиточного минимума, выплачивались нерегулярно, кроме того, бывшие фронтовики могли лишиться пенсии в результате очередного медицинского переосвидетельствования³⁶. Лишенные государственной поддержки, военные инвалиды пополняли ряды «нищей братии».

Именно они, инвалиды войны, стали «лицом» послевоенного нищенства. Народ, а скорее всего они сами, придумали для себя особые имена, маркирующие характерувечья: «костыли» – без одной или двух ног, «обрубки» – с ампутированным руками, «тачки» – без обеих ног, передвигавшиеся на тележке, «печеные» – с ожогами (как правило,

³² Статистические данные Министерства внутренних дел СССР о количестве лиц, занимающихся нищенством. л. 257-258.

³³ Записка Н.С. Хрущева о разработке проекта постановления Совета Министров СССР о борьбе с нищенством. 18 июля 1951 г. – ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 81б, д. 9202, л. 43.

³⁴ Записка Совета Министров РСФСР о положении с нищенством в республике. 30 августа 1954 г. – Там же. ф. Р-8131, оп. 32, д. 3288, л. 167.

³⁵ Записка Министерства социального обеспечения РСФСР об улучшении медицинского обслуживания инвалидов войны. 27 февраля 1953 г. – Там же, ф. А-413, оп. 1, д. 2364, л. 14.

³⁶ Подробнее о пенсионном обеспечении инвалидов войны см. публикации Беаты Физелер и Марка Эделе (примечание 16).

танкисты), «самовары» – без обеих конечностей³⁷. Военные калеки, просящие подаяние, стали частью повседневной жизни, обыденной картиной, трагичной в самой своей обыденности. Воспоминания об этих необычных типажах сохранились в рисунках и рассказах Эдуарда Кочергина:

Из разного побирающегося люда в памяти моей застрял один необычный бессловесный «обрубок» <...> Голова солдатика-великаны была расколота по диагонали, да так страшно и безжалостно, что смотреть на нее было невозможно, а уж я повидал в своей жизни к этому времени. Шрам, если это можно было назвать шрамом, проходил щелью почти от правого виска вниз через все лицо, уничтожив нос, то есть соединив рот и нос в одно отверстие с остатками лохматых губ. Сдвинутые, но живые куски мяса – разбитые глазницы, правого глаза не было. Война. Это было лицо войны... Более страшного живого человека я никогда не видел. Руки у него были «заязыны». Знаете, в войну некогда было: резали, а кожу натягивали. И вот у него торчали такие «колбаски» -обрубки. На шее болталась дощечка с надписью: «Подайте инвалиду войны»³⁸.

Инвалиды войны с тяжелыми увечьями, вынужденные просить милостыню, нередко брали в качестве поводырей детей и подростков. Нищенство детей – еще один отголосок войны. Нищенством занимались, как правило, сироты и беспризорные дети. Однако послевоенная действительность внесла и в эту практику свои корректизы. В 1946 г. среди беспризорников и малолетних нищих стали все чаще встречаться дети, у которых были родители. Это нищенство имело «голодный след». Голод 1946-1947 гг. наряду с войной стал еще одной причиной распространения попрошайничества.

Весной 1947 г. милицейские сводки и прокурорские проверки стали фиксировать рост детской беспризорности – особенно в районах, охваченных засухой и голодом. Оттуда беспризорные дети устремлялись в области и города, где надеялись добывать пропитание. За второе полугодие 1946 г. число беспризорных детей выросло по сравнению с первой половиной года: по Татарской АССР с 318 до 3.217 чел., по Куйбышевской области – с 208 до 525 чел., по Башкирской АССР – с 807 до 1.699 чел., по Краснодарскому краю – с 1.370 до 2.548 чел. При этом речь шла только о задержанных милицией беспризорных детях, в действительности их было больше. В Рязанской области среди всех задержанных беспризорников 62% занимались попрошайничеством. В Москве число задержанных за нищенство детей за полгода выросло в два раза (1067 чел. в первом полугодии 1946 г. и 2319 чел. во втором)³⁹.

За попрошайничеством детей часто стояли родители, которые заставляли их просить милостыню: ребенок вызывает большее сочувствие у

³⁷ Терминология заимствована у Эдуарда Кочергина: Кочергин, Ангелова..., с. 142.

³⁸ Там же, с. 42.

³⁹ Записка Прокуратуры РСФСР о беспризорности и нищенстве детей. 8 марта 1947 г. – ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 37, д. 3540, л. 2.

окружающих, нежели взрослый. Встречались и такие факты, когда родители с целью избавиться от детей оставляли их на улицах, на вокзалах, около детских учреждений или милиции. Иногда таким образом подбрасывали сразу двоих-троих детей из одной семьи, оставляя около «подкидышей» записку: «Кормить нечем, что хотите, то с ними и делайте». В некоторых записках не было ничего, только имя, фамилия, год рождения ребенка. По Крымской области было зарегистрировано 52 случая оставления детей, по Воронежской – 15, в Латвии только за февраль 1947 г. подобрали 49 брошенных родителями детей. Как правило, они прибывали из соседних «голодных» областей – Псковской, Смоленской, Великолукской⁴⁰.

Со временем поток безнадзорных детей, колесивших по стране в разных направлениях, уменьшился, но еще в 1948 г. оставался значительным. Так, за первые шесть месяцев 1948 г. органами охраны МГБ на железнодорожном и водном транспорте было задержано 100.955 беспризорных и безнадзорных детей, из них 21.384 чел. занимались нищенством. Проверкой было установлено, что из дома они ушли «вследствие тяжелого материального положения семей»⁴¹. В числе других на Омской железной дороге был задержан подросток Прокуряков, который ушел из семьи, где было еще пять человек, мать болела и работать не могла, отец погиб на фронте. Восьмилетнего Володю Осадчего подобрали на станции Запорожье, его оставила мать, а сама уехала. На Белорусской железной дороге занимались попрошайничеством три подростка – двое 12-ти и один 14-ти лет. В милиции они рассказали, что живут в деревне, в Могилевской области, а попрошайничать их отправили родители, потому что семьи находятся в бедственном положении⁴². Истории детей, вынужденных нищенствовать, в общем типичны: отец погиб на войне, мать не может заработать на жизнь, пенсии и пособия семья не получает.

Среди детей, занимающихся попрошайничеством, были не только бездомные или посланные на нищенский промысел родителями. Иногда «собирать кусочки» отправлялись воспитанники детских домов, т.е. дети, находящиеся формально под государственной опекой. Одна такая история была рассказана воспитанниками Новочеркасского детского дома для детей-инвалидов, которые написали письмо о своей жизни секретарю горкома партии:

Мы, дети дома детского облсобеса увеченных живем никак во всех домах, а как заброшенные собачата. С самого прихода наших после немцев попалась нам заведующая – пьяница и гуляка и воровка и чего только делалось, одному

⁴⁰ Проект письма Генеральной прокуратуры СССР секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, 29 марта 1947 г. – Там же, л. 3-4.

⁴¹ Докладная записка МГБ СССР о задержании беспризорных и безнадзорных детей на железнодорожном и водном транспорте. 26 июля 1948 г. – Там же, ф. Р-5446, оп. 51а, д. 5292, л. 12-13.

⁴² Там же, Л.13.

богу известно, да нам калекам, ну потом молитвы детские услышал, то бог и дал и нам другого пьяницу. Первый год было все благополучно, пьяный на территории валялся редко, <...> а потом как распился, как распился, никакого удержку, трезвым года полтора уже не видели <...>

Мы, верите сами калеки, а сами его пьяного таскали домой... Когда немножко прохмелится, бьет, обзывает калеками, а разве это не обидно. Ползаем по городу и кусочки собираем <...>

<...> Убежать, не убежишь далеко кривому, да безногому, а повеситься от такой жизни можно или его гада ножом пырнуть. Где наше счастливое детство, а где деньги, что государство на нас, калек дает. Заступитесь, иначе мы его прирежем, гада, а сидеть неохота за подлеца, но и другого выхода нет. <...> В Москву к дорожному Сталину дойдем, а пора уже правды добиться <...>⁴³.

Это старинное выражение («собирать кусочки», «идти в кусочки»), которым обозначался нищенский промысел на Руси с незапамятных времен, свидетельствует об устойчивости традиции нищенства. Более того, в послевоенные годы можно говорить о возрождении культуры нищенства, особенно в его профессиональных формах. Милицейские сводки, как и в конце XIX века материалы полиции, фиксировали наличие деревень, большинство жителей которых занималось попрошайничеством – своего рода «нищенских гнезд». На устойчивость традиции указывал и тот факт, что профессиональное нищенство географически концентрировалось в тех же регионах, что и до революции. В этом смысле была особо отмечена Калужская область (бывшая Калужская губерния)⁴⁴. А.А. Левенстим в своем исследовании профессионального нищенства в конце XIX - начале XX века отметил Калужскую губернию как один районов широкого распространения «нищенских гнезд»⁴⁵. Даже в 1954 г., уже после того как были приняты довольно жесткие законы против нищенства, крестьяне в 5 колхозах Калужской области продолжали заниматься этим ремеслом, хотя числились колхозниками; только в одном колхозе имени Кутузова профессиональных нищих насчитывалось 326 чел.⁴⁶ Калужская область по развитию нищенского промысла лидировала среди всех сельских населенных пунктов РСФСР: в 1954 г. там было учтено 1583 чел., занимающихся попрошайничеством, за ней с существенным «отрывом» шла Московская область (574 чел.). Самыми притягательными для нищих оставались большие города: в 1954 г. в Москве было учтено 692 чел. , в Ленинграде –

⁴³ Письмо воспитанников Новочеркасского детского дома. Сентябрь 1950 г. – Там же, ф. А-413, оп. 1, д. 1820, л. 262-263.

⁴⁴ На распространение нищенства в Калужской области указывает и В.Ф. Зима. См. Зима, Голод в СССР..., с. 223-225.

⁴⁵ См. Левенстим, Профессиональное нищенство..., с. 57.

⁴⁶ Записка Совета Министров РСФСР о положении с нищенством в республике. 30 августа 1954 г. - ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 32, д. 3288, л. 166.

452⁴⁷. В Калужской области «нищенstкие гнезда» сохранялись еще довольно долго. Так, в декабре 1958 г. прокурор области И. Садовников торопил Москву с принятием нового закона против нищенства, мотивируя свою просьбу следующим образом:

В ряде колхозов Калужской области большая группа формально числящихся колхозников из года в год занимаются профессиональным нищенством, тем самым дезорганизуют колхозную дисциплину, срывают все хозяйственные работы в колхозах, позорят советское государство, однако при отсутствии действенного закона все предупредительные и воспитательные меры не оказывают на них никакого влияния⁴⁸.

Профессиональный нищенский промысел, как и до революции, был делом довольно прибыльным. Так, в 1957 г. работниками милиции города Калинина был задержан за попрошайничество некий гражданин Буксилин, 54 лет. При обыске дома у нищего в подполье были обнаружены следующие «трофеи»: детская ванна, кадка, два ведра и другая посуда, наполненные разменной монетой советской чеканки общим весом 333 килограмма на общую сумму 15.000 рублей⁴⁹.

Масштабы распространения нищенства в послевоенные годы, конечно, не достигали показателей Российской империи (когда нищенствовала почти треть миллиона человек)⁵⁰ и почти втрое уступали показателям первых лет советской власти: перепись 1923 г. учла 35 тыс. нищенствующих в РСФСР, а по данным учета 1954 г. их в республике было 12 тыс. чел.⁵¹ Вместе с тем вывод об исчезновении в СССР этой формы социальных девиаций, о чем было официально объявлено в конце 1930-х гг., как свидетельствовал послевоенный опыт, был далек от действительности.

Государственная политика борьбы с нищенством в послевоенные годы

Государственная политика по отношению к социальным аномалиям и их носителям обычно строится на основе использования двух стратегий: первая

⁴⁷ Статистические данные Министерства внутренних дел СССР о количестве лиц, занимающихся нищенством, л. 257-258.

⁴⁸ Представление прокуратуры Калужской области о распространении профессионального нищенства. 1 декабря 1958 г. – ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 32, д. 6416, л. 79.

⁴⁹ Записка Министерства внутренних дел СССР об изъятии ценностей у гр. Буксилина, 13 мая 1957 г. – Там же, ф. Р-5446. оп. 91, д. 264, л. 6.

⁵⁰ По данным специальной Комиссии Министерства внутренних дел в 1877 году общее число просящих подаяния в 71 губерниях, областях, градоначальствах и городах составило 293 445 человек (Левенстим, *Профессиональное нищенство...*, с. 19).

⁵¹ Бордюгов, «Социальный паразитизм...», с. 61; ГА РФ, ф. Р-9415, оп. 3, д. 256, л. 59.

предполагает изоляцию девиантов, исключение их из социума, вторая разрабатывает меры по социальной адаптации людей с отклоняющимся поведением. В странах, где социальный порядок рассматривается как сфера государственной и гражданской ответственности, приоритет отдается мерам профилактики социальных девиаций. На этом принципе строится социальная политика. В Советском Союзе развитию социальной профилактики общественных аномалий мешали идеологические конструкции, которые отрицали возможность существования при советском строе причин для социальных девиаций. Поэтому борьба с ними носила по преимуществу личностно-ориентированный характер, т.е. боролись не с причинами отклоняющегося поведения, а с людьми.

Этот общий порядок закреплялся в юридической норме и социальной практике. До 1951 г. не существовало специальных нормативных актов, касающихся нищенства и нищих. Правоохранительные органы при задержании нищих использовали главным образом механизм паспортного контроля: на этом основании «приезжие» нищие удалялись из больших городов, прежде всего режимных, и направлялись к месту постоянного жительства (прописки). Инвалидов и престарелых, а также трудоспособных, но не имеющих работы, передавали на попечение социальных органов, которые должны были заниматься их трудоустройством или направлять под опеку родственникам и в дома инвалидов. Однако эта практика не приносила ожидаемого эффекта и не приводила к заметному сокращению числа нищих. Происходило это прежде всего вследствие слабости социальной политики, для которой трудоустройство инвалидов и качество системы социального призрения были одними из наиболее уязвимых мест. Между тем нищенство наносило серьезный удар по престижу страны и культивируемому пропагандой образу патерналистского государства, заботящегося о своих гражданах. Если в первое время после окончания войны наличие нищенства можно было объяснить в русле популярной тогда идеологемы «временных трудностей», то чем дальше, тем больше эта неприглядная сторона повседневной жизни портила «фасад» советской действительности.

В 1951 году была проведена первая после войны масштабная операция по изъятию нищих из городов. Первоначально она задумывалась как столичное мероприятие и планировалась прежде всего в Москве. Адресность акции сама по себе говорит о том, что власти были озабочены не столько положением людей, вынужденных просить подаяние или занимающихся этим по меркантильным соображениям, сколько стремились «облагородить» облик главного города страны – витрину Советского Союза.

Подготовка решения по этому вопросу была поручена Н.С. Хрущеву, в то время секретарю Московского горкома ВКП(б), фактически первому лицу города. 19 июля 1951 г. появилось постановление Совета Министров СССР № 2590-1264с «О мероприятиях по ликвидации нищенства в Москве и

паразитическими элементами». Думается, что Хрущев занимался разработкой этого документа не только по должности. Три года назад он уже отметился на поприще борьбы с «антиобщественными элементами», когда по его инициативе были приняты законодательные акты, карающие «нерадивых» колхозников – указы Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля и 2 июня 1948 г.⁵² Колхозники, недостаточно активно работающие на государство, были законодательно определены как «лица, ведущие антиобщественный, паразитический образ жизни». На основании указов 1948 г. это словосочетание получило нормативный статус, а Хрущев с этого момента мог претендовать на роль «эксперта» в области борьбы с «паразитами общества». В 1951 г. в их число попали нищие и бродяги.

В то же время нет никаких оснований считать постановление и появившийся вслед за ним указ 1951 г. «городским эквивалентом» указов 1948 г., как это делает, например, В.Ф. Зима⁵³. Эти указы схожи только номинально, так как содержат аналогичные формулировки, в которых упоминается «антиобщественный, паразитический образ жизни». На самом деле действия, за которые предусматривалась ответственность по указам 1948 г., не имели никакого отношения к социальным девиациям, в то время как указ 1951 г. касался двух разновидностей социально девиантного поведения – нищенства и бродяжничества. Об адресности акции свидетельствует и практика исполнения указа⁵⁴. По этой же причине не подтверждается точка зрения, что указ 1951 г. имел политическую подоплеку и коснулся не столько городских нищих и бродяг, сколько «несогласных с режимом»⁵⁵. Действительно, в «широкий бредень», раскинутый работниками милиции, попадали не только нищие и бродяги, но и «случайные» люди, например, не имеющие прописки или временно не работающие. Однако такие факты, причем довольно распространенные, являлись следствием несовершенства самого законодательства, в котором отсутствовало четкое определение нищенства и бродяжничества, а также обычного чиновниччьего произвола. В ходе прокурорских проверок такая

⁵² Имеются в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Подробнее о результатах применения указов 1948 г. см.: В.П. Попов, *Российская деревня после войны: Июнь 1945–март 1953 гг.*, М., 1993; Е.Ю. Зубкова, *Послевоенное советское общество: политика и посвященность*, с. 67–68, М.: Россспен, 2000; *Советская жизнь: 1945–1953*, М., 2003. с. 234–252.

⁵³ Зима, *Голод в СССР...*, с. 181.

⁵⁴ Докладная записка Министерства внутренних дел СССР о результатах применения Указа от 23 июля 1951 г. 20 февраля 1954 г. – РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 78, л. 41–42.

⁵⁵ Зима, *Голод в СССР...*, с. 217. Ш. Фитцпатрик в этой связи отмечает, что и сам автор не приводит сколько-нибудь убедительных аргументов в пользу своей точки зрения (Fitzpatrick, «Social Parasites...», p. 381).

практика расширительного толкования и применения указа и постановления 1951 г. оценивалась как явное нарушение⁵⁶. Адресность нормативных актов 1951 г. принципиально отличает их от появившихся спустя десять лет в 1961 г. новых республиканских указов против «паразитов», которые действительно использовались в качестве инструмента борьбы с общественным инакомыслием.

Постановление против нищенства от 19 июля 1951 г. носило секретный характер. В нем определялся ряд мер, направленных на ликвидацию и предупреждение нищенства. Лица, занимающиеся попрошайничеством, разделялись на две категории – нетрудоспособные и трудоспособные (полностью или частично). Нетрудоспособных, т.е. инвалидов и стариков, предполагалось передавать на попечение родственникам или, если таковых не окажется, помещать в дома инвалидов и интернаты для престарелых. В постановлении предусматривалось построить в 1951-1952 годах на территории Московской и соседних областей дома для размещения в них престарелых и инвалидов на 7500 мест и интернаты для слепых на 1000 мест с учебно-производственными мастерскими.

Лица из числа нищенствующих, сохранившие трудоспособность, подлежали устройству на работу на предприятия и в колхозы. Органам милиции и органам охраны МГБ СССР на железнодорожном и водном транспорте предоставлялось право арестовывать таких нищих и бродяг, а потом передавать дела на них в Особое совещание при МГБ СССР, которое выносило решение об определении их на спецпоселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 5 лет с обязательным привлечением к трудовой деятельности по месту поселения. Эта мера касалась мужчин в возрасте от 18 до 55 лет и женщин от 18 до 50 лет. Таким образом, наказание за нищенство осуществлялось во внесудебном порядке.

Спустя несколько дней появился нормативный акт, распространявший меры по борьбе с нищенством на всю территорию Советского Союза: 23 июля 1951 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами». Указ, как и постановление, являлся секретным. Он также касался двух категорий населения – нищих и бродяг, которые и подпадали под определение «антиобщественные, паразитические элементы». Однако в отличие от постановления указ носил исключительно репрессивный характер и касался только тех, кто занимался нищенством и бродяжничеством, будучи трудоспособным. Штрафные санкции, предусмотренные указом, были аналогичны тем, что предписывались постановлением от 19 июля 1951 г.⁵⁷

⁵⁶ См. например, Отчеты прокуроров о практике применения указа от 23 июля 1951 г. – ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 32, д. 1738.

⁵⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» от 23 июля 1951 г. – ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 85, д. 363, л. 1.

Несмотря на жесткие санкции против нищенства, указ оказался не слишком эффективным инструментом в борьбе с ним. Согласно инструкции, которую получили сотрудники правоохранительных органов, за попрошайничество могли привлекаться к ответственности лица только в том случае, если они являлись трудоспособными и если было доказано, что они «злостно уклоняются от общественно полезного труда». Трудоспособность еще можно было доказать на основе заключения медицинской комиссии, но факт «злостности» уклонения от общественно полезного труда не поддавался юридическому определению вообще. Поэтому милиционные сотрудники действовали в данном случае на свой страх и риск. Основной контингент нищих состоял из инвалидов и стариков, которых указ не касался. Программа социальной поддержки групп риска и профилактики нищенства сводилась практически только к одному направлению – расширению сети домов инвалидов и интернатов. И даже в этой сфере принятые решения так и не были выполнены: из запланированных 35 интернатов для инвалидов и престарелых на начало 1954 г. оказались построенными лишь четыре.

Ресурс социальной помощи оказался таким образом совершенно недостаточным для решения проблемы нищенства. Органы милиции жаловались, что местные советы и структуры социального обеспечения не помогают им в трудоустройстве нищих и бродяг, которые могут работать, и помещении в дома инвалидов нетрудоспособных. Так, за вторую половину 1951 г., т.е. с момента исполнения указа о борьбе с нищенством, в Москве и Московской области было проведено 9367 задержаний лиц, занимавшихся попрошайничеством. Подавляющее большинство задержанных являлись инвалидами и престарелыми, поэтому нуждались в помещении в дома инвалидов, установлении опеки и частично в трудоустройстве. Всего же за это время был устроено в дома инвалидов 161 человек и 169 человек получили работу. В существующих в Москве и области 17 домах инвалидов не было ни одного свободного места⁵⁸. Аналогичная ситуация наблюдалась не только в столице. Проверка исполнения указа от 23 июля 1951 г., проведенная МВД СССР, показала, что из числа задержанных за нищенство в Москве, Ленинграде и Ростове в дома инвалидов помещается не более 2-3%⁵⁹.

Происходило это не только в силу недостатка мест в домах инвалидов. Другая проблема организации социального признания нищенствующих инвалидов заключалась в том, что они сами часто вовсе не стремились в дома инвалидов: одни просто отказывались от направления в эти заведения, другие бежали оттуда при первой же возможности. Очевидно, что люди, сделавшие нищенство своим ремеслом, предпочитали скучному

⁵⁸ Докладная записка МВД СССР о положении с нищенством в Москве и Московской области. 23 июня 1952 г. – Там же. ф. Р-9415, оп. 3, д. 213, л. 20-21.

⁵⁹ Докладная записка МВД СССР о нищенстве и мерах борьбы с ним. 20 февраля 1954 г. л. 42.

государственному пайку и сегрегации в кругу себе подобных – более внушительные доходы от нищенского промысла и свободу. Для многих нищих попрошайничество стало образом жизни, а не только способом выживания.

Правоохранительные органы видели для себя только один выход из этой ситуации – создание режима принудительного содержания нищенствующих инвалидов в интернатах. С подобной инициативой МВД СССР, МГБ СССР выступали не раз⁶⁰. Так, в докладной записке, направленной министром внутренних дел СССР С.Н. Кругловым в Президиум ЦК КПСС в феврале 1954 г., предлагалось в целях «предотвращения самовольных уходов» преобразовать ряд домов инвалидов в интернаты закрытого типа – с «особым режимом» содержания. Что означал в данном случае «особый режим», объяснять не приходилось: фактически речь шла о полной изоляции этой категории граждан и создании системы их содержания, аналогичной тюремной⁶¹.

Тенденция к социальной изоляции и вытеснению нищих проявила себя и в позиции местных властей – особенно там, где нищенство нашло широкое распространение, главным образом в больших городах. Нищие воспринимались не как социальная проблема, а как неприятный балласт, от которого лучше всего просто избавиться. Поэтому городские власти стремились прежде всего отправить нищих в другие регионы, действуя по принципу «с глаз – долой». Обычная практика, когда задержанным за нищенство выдавалась единовременное пособие на приобретение железнодорожных билетов для проезда к месту жительства, а сами они должны были дать письменное обязательство больше не заниматься попрошайничеством. Местные чиновники и работники милиции формально, как будто, «принимали меры», на деле же, по собственному опыту, конечно, знали, что ни железнодорожный билет, ни подпись ничего не значит – разве что позволяют сократить количество нищих в своем городе. И то на время. Министерство социального обеспечения Литвы, например, открыло специальный счет на железной дороге, чтобы таким образом ускорить отправку нищих из Вильнюса. В результате нищие просто перемещались по стране, причем за государственный счет⁶².

⁶⁰ Докладная записка Министерства внутренних дел СССР о положении с нищенством. 8 июня 1946 г. – ГА РФ. ф. Р-5446, оп. 48а, д. 2469, л. 44-45; Докладная записка МГБ СССР и Совета Министров РСФСР о нищенстве в г. Ярославле. 25 октября 1952 г. – Там же, оп. 86а, д. 8052, л. 10-12; Докладная записка МВД СССР о нищенстве и мерах борьбы с ним. 20 февраля 1954 г. – РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 78, л. 45-46.

⁶¹ Докладная записка МВД СССР о нищенстве и мерах борьбы с ним. 20 февраля 1954 г., л. 41-46.

⁶² Представление прокуратуры Литовской ССР. 25 марта 1952 г. – ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 32, д. 1738, л.93.

В конце концов и постановление от 19 июля 1951 г., и указ от 23 июля 1951 г. практически перестали применяться⁶³. В распоряжении Совета Министров СССР от 15 февраля 1955 г. отмечалось, что, хотя эти решения способствовали «сокращению в Москве, Московской области и ряде других городов и областей количества лиц, занимающихся нищенством, <...> в целом постановление не выполнено, а случаи попрошайничества и бродяжничества в отдельных городах и районах все еще имеют место».

Не принесли желаемого эффекта и меры, направленные на ликвидацию «нищенских гнезд». 31 декабря 1952 г. Совет Министров РСФСР принял постановление, призванное покончить с профессиональным нищенством в колхозах Калужской области. Спустя год после издания постановления правительство республики вынуждено было признать, что «профессиональное нищенство значительного количества отдельных колхозов не только не ликвидировано, но и не сокращается»⁶⁴.

Одна из причин, почему борьба с нищенством в первые послевоенные годы не принесла сколько-нибудь заметных результатов, заключалась в самом характере реагирования власти на эту проблему, решение которой виделось главным образом на пути разработки новых административных мер. Так, в ноябре 1952 г. в крупных городах была создана сеть приемников-распределителей для содержания задержанных нищих с последующим направлением их на работу или в дома инвалидов и под опеку родственников⁶⁵. «Технически» это решение облегчило работу милиции, но при отсутствии отлаженной системы трудоустройства инвалидов и недостатках системы социального признания подобная мера также являлась малоэффективной, что стало очевидным довольно скоро.

Проблема нищенства таким образом перешла после смерти Сталина к его преемникам. Решением Секретариата ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г. была образована специальная Комиссия по борьбе с нищенством под руководством председателя правительства Российской Федерации А.М. Пузанова⁶⁶. До этого Пузанов возглавлял комиссию, которая в 1952 г. готовила решение по организации приемников-распределителей для нищих, поэтому он уже был знаком с этой проблемой. Сам по себе факт создания комиссии «по нищенству» в 1953 г., как и ее компетенции, свидетельствовали о том, что власть, наконец, собралась заняться

⁶³ А.А. Фурсенко, гл. ред., *Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. т. 2 : «Постановления. 1954-1958».*, М., 2006. с. 411-414.

⁶⁴ Выписка из протокола № 111 заседания Бюро Совета Министров РСФСР от 18 ноября 1953 г. – ГА РФ, ф. А-259, оп. 1, д. 637, л. 135.

⁶⁵ Распоряжение Совета Министров СССР от 29 ноября 1952 г. об организации приемников-распределителей для нищих. – Там же, ф. Р-5446, оп. 86а, д. 8052, л. 22-23.

⁶⁶ В состав комиссии вошли: А.М. Пузанов (председатель), С.Н. Круглов, Р.А. Руденко, В.В. Золотухин, П.И. Кудрявцев, А.М. Сафонов, В.А. Маслов, В.А. Аралов (ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 32, д. 3282, л. 181).

нищенством всерьез. Комиссия должна была не только разработать комплекс мероприятий по борьбе с этим видом социальных аномалий, но и изучить положение с нищенством в стране. Так было в XIX веке, когда проблемой нищенства в Российской империи занимались несколько комиссий – сначала при Министерстве внутренних дел, потом при Министерстве юстиции. Аналогичный опыт имела и большевистская власть: в 1920-е годы в Москве, Ленинграде, других городах существовали комиссии по борьбе с нищенством, беспризорностью взрослых и проституцией.

Комиссия А.М. Пузанова начала свою работу с подготовки плана мероприятий, который 18 ноября 1953 г. представила на утверждение Бюро Совета Министров РСФСР. В первую очередь в разные регионы страны отправились специальные инспекторские группы, которые должны были изучить положение на местах и подготовить свои предложения. К разработке мероприятий по ликвидации нищенства были подключены органы милиции и социального обеспечения. Вместе с тем – в отличие от предшествующих лет, когда проблему нищенства пытались решить главным образом посредством государственного принуждения – теперь предлагалось центр тяжести перенести на социальную работу, развитие системы патронажа, опеки, трудоустройства людей, занимающихся нищенством⁶⁷.

Одним из результатов деятельности комиссии А.М. Пузанова стала организация учета лиц, занимающихся нищенством: для того, чтобы решать проблему, необходимо было представлять ее масштабы. Материалы инспекторских поездок по регионам дали основание комиссии отметить в числе главных причин попрошайничества бедность отдельных категорий населения (по традиции, правда, использовалась прежняя невнятная формулировка – «недостаточная материальная обеспеченность»⁶⁸). Как следовало из заключения комиссии, большинство лиц, не имеющих материальной поддержки, «прекращают заниматься нищенством, как только им оказывается существенная помощь (трудоустройство, определение в дома инвалидов и т.д.)». Меры административного воздействия предлагалось применять только в отношении профессиональных нищих, которые, было признано, «не поддаются общественному воздействию», а практика их временного задержания органами милиции не дает результатов⁶⁹.

В сентябре 1954 г. комиссия подготовила проект решения, который предполагалось издать как постановление Совета Министров СССР «О мерах предупреждения и ликвидации нищенства»⁷⁰. Проект постановления, как и выводы комиссии в целом, имел социально ориентированную

⁶⁷ План мероприятий по борьбе с нищенством. З октября 1953 г.– ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 32, д. 3282, л. 179-180.

⁶⁸ Записка Совета Министров РСФСР о положении с нищенством в республике. 30 августа 1954 г. –там же. л. 166.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, л. 170-175.

направленность и предусматривал комплекс мероприятий по развитию системы трудоустройства и трудового обучения инвалидов, расширения сети инвалидных домов, совершенствование системы социального обеспечения и т.д. Ряд позиций постановления касался изменения административного порядка в отношении лиц, занимающихся нищенством. Так, намечалось расширение сети приемников-распределителей для содержания в них нищих (это рассматривалось «как временная мера»). Более суровые санкции предполагалось ввести в отношении лиц, которые используют попрошайничество «как средство личной наживы»: по специальному решению органов милиции и с согласия прокурора они могли быть подвергнуты тюремному заключению на 30 суток с привлечением к работам по месту содержания. Однако постановление это не было принято⁷¹.

Уже в ходе первых обсуждений мероприятий по борьбе с нищенством со всей очевидностью обнаружилось несовершенство существующей законодательной базы, призванной регулировать эту сферу, как и всего советского законодательства в целом, поэтому в 1955 г. главные усилия переводятся из практической плоскости в нормативную. Кроме этого, становилось понятным, что проблему нищенства и бродяжничества необходимо решать в комплексе с другими социальными девиациями – преступностью, хулиганством, алкоголизмом и т.д. Разработка новых нормативных актов сосредотачивается в Генеральной прокуратуре СССР, где этим занимается комиссия во главе с Р.А. Руденко.

В центре внимания комиссии находятся проблемы борьбы с преступностью в стране, что касается нищих и бродяг – то они рассматриваются скорее как «сопутствующий» развитию преступности фактор. В результате работы комиссии в течение 1955 г. появляются первые «пакетные» решения – комплекс законопроектов, призванных урегулировать законодательство в сфере борьбы с преступностью и другими «антиобщественными» явлениями. Нищие, которыми адресно занималась комиссия А.М. Пузанова, теперь попадают под общую категорию «антиобщественные элементы» и «лица, ведущие паразитический образ жизни». По умолчанию, в ту же категорию, помимо нищих, включаются бродяги и проститутки. 24 августа 1956 г. на Президиуме ЦК КПСС было принято решение, что «антиобщественными (паразитическими) элементами» должна заниматься специальная комиссия⁷². Фактически речь шла о расширении компетенции комиссии Р.А. Руденко. Работая над созданием новых нормативных документов для борьбы с нищенством, бродяжничеством, проституцией, комиссия изучала опыт Российской

⁷¹ Пока не удалось обнаружить решения об окончании работы комиссии А.М. Пузанова и комментарии о причинах, почему предложенный проект постановления не был принят.

⁷² Фурсенко, Президиум ЦК КПСС..., с. 411.

империи в этой сфере, а также законы других стран – Франции, США, Великобритании. Это был новый момент в законотворческом процессе.

Первый подготовленный комиссией Р.А. Руденко проект был представлен на обсуждение Президиума ЦК КПСС 22 ноября 1956 г. Тогда же было принято решение о расширении круга разработчиков проекта и подключении к нему экспертов Комиссий законодательных предложений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР⁷³. Кроме того, публикация проекта закона против «антиобщественных элементов» от имени Верховного Совета должна была придать законотворческому процессу большую легитимность.

Разработчики закона столкнулись с целом рядом терминологических трудностей, но главная из них заключалась в определении содержательных границ базовых понятий – «антиобщественного образа жизни» и «паразитизма». От этого зависел ответ на вопрос, кого же считать «антиобщественным элементом» и «паразитом». В проекте закона, представленном на обсуждение в январе 1957 г., было дано следующее толкование «антиобщественного, паразитического существования»:

<...> В трудолюбивой советской семье есть еще люди, которые уклоняются от участия своим личным трудом в приумножении общественных богатств. Они либо вовсе не ведут никакой общественно-полезной работы, либо для видимости устраиваются на работу, а живут на нетрудовые доходы и обогащаются за счет трудящихся. Есть еще и такие люди, которые, не выполняя никакой полезной работы ни в обществе, ни в семье, нарушают правила социалистического общежития, занимаются пьянством, бродяжничеством, попрошайничеством и на этой почве нередко совершают уголовные преступления. Имеют место случаи, когда молодые люди, получив за счет государства образование и специальность, отлынивают от работы и никакой пользы обществу не приносят⁷⁴.

Нищие, таким образом, попали в одну «компанию» не только с бродягами и пьяницами, что было бы понятно, но и с представителями молодежи, которые после получения образования не устраивались на работу. Подобная расширительная трактовка «антиобщественных деяний» вызвала довольно бурную дискуссию в комиссиях Верховного совета. Мнения участников обсуждения разделились: одни предлагали ограничить круг «паразитов» традиционными социальными категориями с отклоняющимся поведением – нищими, бродягами, проститутками и т.п. Другие настаивали на понимании «антиобщественного, паразитического существования» в широком смысле слова и относили к «паразитам» всех, кто «живет не по средствам» или

⁷³ Подготовка проекта закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» в Комиссиях законодательных предложений обеих палат Верховного Совета была поручена специальной подкомиссии, которую возглавил В.Г. Набиуллин (подкомиссия была создана 30 января 1957 г.).

⁷⁴ Проект Закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами». 2 января 1957 г. - ГА РФ, ф. Р-7523, оп.45, д. 201, л. 34.

занимается «извлечением нетрудовых доходов» (как это было предложено в проекте закона)⁷⁵.

Столь же неоднозначную реакцию встретили положения проекта закона, касающиеся наказания за «антиобщественное» поведение. В проекте предлагалось применять в отношении трудоспособных совершеннолетних лиц «меры общественного воздействия» – выселять их на основании общественного приговора из данной местности на срок от двух до трех лет. Общественный приговор подлежал утверждению исполнкомом местного Совета. Нищие и бродяги из числа нетрудоспособных, если они уклонялись (в тексте использовалась формулировка «злостно уклонялись») от помещения в дома инвалидов, должны были направляться туда в принудительном порядке⁷⁶. Таким образом, проект закона, помимо расширения самого понятия «антиобщественные, паразитические элементы», вносил существенные корректировки в практику штрафных санкций, предусмотренных Указом от 23 июля 1951 г. Во-первых, в проекте предусматривалось применение мер принуждения в отношении не только трудоспособных, но и нетрудоспособных лиц, занимающихся попрошайничеством: первые подлежали выселению, вторые – принудительному помещению в дома инвалидов. Во-вторых, изменялась процедура привлечения к ответственности, которая теперь осуществлялась через институт общественного приговора⁷⁷.

Большие сомнения, в первую очередь у юристов, вызывала способность общественности выступать в качестве главной инстанции, выносящей решение. «Суд народа» (общественный приговор) и «народный суд» (официальная судебная инстанция) не могут сравняться по уровню компетентности, передача дел на суд общественности – это не форма демократии, а нарушение законности, – так считали некоторые участники обсуждения⁷⁸. По отношению к нищим и бродягам общественный приговор, который должен был выноситься по месту жительства нарушителя, вообще в целом ряде случаев не мог быть применим. Вспомнили про «нищенские гнезда».

Например, гражданин приехал из Калуги и попрошайничает, – рассуждал член комиссии по разработке закона М.В. Барсуков. – Кто же его будет судить?

⁷⁵ Стенограммы заседания Комиссий законодательных предложений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР. 10, 15 января 1957 г. – там же. д. 202, л. 3,15.

⁷⁶ Проект Закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами». 2 января 1957 г., л. 36-37.

⁷⁷ В советской юридической практике выселение через общественный приговор «лиц, ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» было введено Указами Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля и 2 июня 1948 г.

⁷⁸ Стенограмма заседания Комиссий законодательных предложений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР. 15 января 1957 г., л. 10, 12, 16, 19.

Везти его на родину? Но там есть целые села, у которых это вошло в традицию, и его при таких условиях не осудят⁷⁹.

В ходе дискуссии высказывались опасения, что такая мера наказания, как выселение, вряд ли окажется эффективной в борьбе с нищенством.

Если у человека есть жилье, то в другом месте у него и этого не будет, и он превратится в бродягу. Если говорить о высылке, то нужно, чтобы на новом месте ему предоставили работу, жилплощадь, иначе мы будем только плодить попрошаек и бродяг, – считал, например, заместитель министра юстиции РСФСР Г.З. Анашкин⁸⁰.

Опыт борьбы с нищенством в Российской империи свидетельствовал о том же. Активным противником выселения нищих был, например, А.А. Левенстим. Он полагал, что эта мера не уменьшает нищенства, а, напротив, только увеличивает ряды «бродячего пролетариата» и, кроме того, весьма дорого обходится казне⁸¹. Что касается принудительного труда (например, в работных домах), то Левенстим считал эту меру полезной. Но только применительно к профессиональным нищим. Вместе с тем он настаивал на том, что главные усилия по борьбе с нищенством должны быть направлены на развитие системы признания⁸².

Тема признания, как и проблемы социальной адаптации нищих, практически не обсуждались в процессе разработки законодательства против «антиобщественных элементов». Единственный вопрос, который поднимался в этой связи, касался расширения сети домов инвалидов и улучшения их материальной базы. Игнорирование социальной составляющей произошло не в последнюю очередь вследствие «подмены» субъекта, в роли которого стали выступать не социальные маргиналы, а категории населения, определенные нормирующим дискурсом как «паразитические». К ним стали причислять в том числе и тех, кто занимался частнопредпринимательской деятельностью, которая в свою очередь тоже трактовалась очень широко – от теневой экономики до сдачи внаем летних дач. Понятно, что эти люди не нуждались в социальной опеке. Речь по сути шла о приписывании, конструировании негативной идентичности (по аналогии с приписыванием классовой идентичности⁸³) на основе политического заказа. Нищие и бродяги тут были совершенно не при чем.

Проект Закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» был принят на совместном заседании Комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета

⁷⁹ Там же, л. 19.

⁸⁰ Там же, л. 14.

⁸¹ Левенстим, *Профessionальное нищенство...*, с. 22-23.

⁸² Там же, с. 85.

⁸³ S. Fitzpatrick, «Ascribing Class. The Construction of Social Identity in Soviet Russia», *Journal of Modern History*, № 65, с. 745-770.

Национальностей Верховного Совета СССР 15 февраля 1957 г., 23 февраля он был направлен на утверждение в ЦК КПСС. Первоначально предполагалось издать этот нормативный акт как общесоюзный закон, однако в ЦК было принято другое решение – направить проект в союзные республики и после публичного обсуждения издать по этому вопросу республиканские законы⁸⁴. В Российской Федерации проект закона был опубликован в газете «Советская Россия» 21 августа 1957 г.⁸⁵ По результатам обсуждения первоначального проекта в новый текст были внесены изменения, предполагающие иную юридическую процедуру ответственности за нищенство и бродяжничество: наказание за эти виды социальных девиаций определял не общественный приговор, а народный суд. Выселение было заменено ссылкой на срок от двух до пяти лет⁸⁶. Таким образом, нищие и бродяги были выделены из общей категории «лиц, ведущих антиобщественный образ жизни». По отношению к другим действиям, «антиобщественным», была сохранена процедура общественного приговора.

Западные эксперты, анализирующие итоги обсуждения проекта указа о «паразитах», приходили к выводу, что главным импульсом, заставившим разработчиков законодательства больше считаться с принципами законности и нормами права, было «сопротивление юристов»⁸⁷. Этим же объяснялась неторопливость, с которой шло принятие соответствующих законов в большинстве союзных республик. Шейла Фитпатрик высказывает в этой связи предположение, что разработка и принятие закона против «паразитов» встретили сопротивление не только среди юристов или в комиссиях Верховного Совета, но и в верхушке партии⁸⁸. Андреас Билински считал, что обсуждение законопроекта свидетельствовало о наличии борьбы между юридическими структурами и партийным аппаратом, в которой «юристы» смогли отстоять свои интересы перед «партией»⁸⁹. Документы, хранящиеся в архиве прокуратуры и Верховного Совета СССР, действительно подтверждают активное участие юристов в процессе разработки нового законодательства, как и то, что позиция юристов, выступавших против передачи судебных функций «общественности» и нарушений

⁸⁴ ГА РФ. ф. Р-7523. оп. 45а. д. 57. л. 79.

⁸⁵ Проект Закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами», *Советская Россия*, 21 августа 1957.

⁸⁶ Ссылка – удаление осужденного из места его жительства с обязательным поселением в определенной местности. Высылка – удаление осужденного из места его жительства с запрещением проживания в определенных местах (Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л., 1962. с. 72, 74).

⁸⁷ На это указывает в своей статье Ш. Фитпатрик: Fitzpatrick, «Social parasites...», p. 384. См. также: A. Bilinsky, «Parasitengesetze in der Sowjetunion», *Jahrbuch für Ostrecht*, 1961, N. 2, с. 132.

⁸⁸ Fitzpatrick, «Social parasites», с. 383.

⁸⁹ Bilinsky, «Parasitengesetze...», с. 123-124.

существующего законодательства, была учтена в редакции проекта, вынесенного на обсуждение. Однако в целом текст законопроекта представлял собой скорее компромисс между попытками обеспечить соблюдение законности и политическим курсом по мобилизации общественности на борьбу с социальными девиациями. Несмотря на скепсис относительно ряда положений законопроекта, существующий и в юридических, и в партийных кругах, говорить о какой-либо серьезной оппозиции в этой связи все-таки не приходится.

Проект закона после широкого обсуждения в печати должен был поступить на утверждение в Верховный Совет РСФСР в начале 1959 г., однако в повестку дня сессии он так и не попал. Этому факту есть свое объяснение. В это время по инициативе Н.С. Хрущева началась работа над законодательством по привлечению населения к борьбе с преступностью и другими «антиобщественными» проявлениями⁹⁰. В этой связи в ЦК КПСС было принято решение, что возвращаться вновь к законопроекту о «паразитах» «в данный момент нет необходимости». Поэтому 6 января 1959 г. проект был снят с рассмотрения Бюро ЦК КПСС по РСФСР⁹¹. Когда спустя полтора года вновь вернутся к закону о «паразитах», тема «паразитизма» зазвучит уже в ином качестве.

Между тем проблема нищенства не исчезла из поля зрения правоохранительных органов и законодателей. Во второй половине 1950-х годов сама проблема нищенства начинает восприниматься в ином социальном контексте. В результате улучшения экономической ситуации в стране, проведения пенсионной реформы, увеличения размера заработной платы уровень жизни населения стал повышаться. Нужда и бедность уже не являлись главным побудительным мотивом к распространению попрошайничества, как это было в первые послевоенные годы. Однако данные милиционской статистики о масштабах попрошайничества по-прежнему не внушали оптимизма: в 1957 г. за нищенство и бродяжничество было задержано 180.729 человек⁹². Даже если учесть, что задержанных бродяг, как правило, было больше, чем нищих, показатели распространения нищенства все равно оставались довольно высокими. По сути речь шла в данном случае о фактах профессионального нищенства.

Эта ситуация была учтена при работе над новым уголовным законодательством. В уголовных кодексах союзных республик появились статьи, предусматривающие ужесточение ответственности за

⁹⁰ 5 ноября 1959 г. было принято закрытое письмо ЦК КПСС «О повышении роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка». В прессе, кроме того, широко обсуждался законопроект «О повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития».

⁹¹ РГАНИ, ф. 13. оп. 1. д. 911. л. 1.

⁹² Записка Министерства внутренних дел СССР о положении с нищенством и бродяжничеством. 6 мая 1958 г. – ГА РФ, ф. Р-9415, оп. 3, д. 354, л. 207.

«систематическое занятия бродяжничеством и попрошайничеством» (т.е. фактически за профессиональное нищенство). Согласно статье 209 УК РСФСР бродяжничество и попрошайничество, если они носили систематический характер, наказывались лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года⁹³.

Летом 1960 г. была возобновлена работа над созданием законов против «паразитов». Постановлением Президиума ЦК КПСС 18 августа 1960 г. создается новая комиссия под руководством члена Президиума ЦК КПСС, Председателя Совета Министров РСФСР Д.С. Полянского. Для обозначения «антиобщественных элементов» теперь используется новое ключевое слово – «тунеядцы». Нищенство рассматривается как разновидность тунеядства. Примечательно, что само понятие «нищенство» уже не встречается в официальных документах, вместо этого говорится о «попрошайничестве». Попрошайничество трактуется как вид занятий, не связанный с материальным положением (нищетой) и являющийся своего рода добровольным промыслом.

Однако главной мишенью «антипаразитных» законов были снова не нищие или бродяги. Борьба с «тунеядством» являлась частью политического курса по преодолению общественных «аномалий» – в том качестве, как их понимало руководство страны и прежде всего сам Н.С. Хрущев, и, одновременно, частью кампании по мобилизации трудовых ресурсов. В данном случае «нормой» считалась исключительно работа на государство, а все остальные занятия проходили по разряду «отклонений» («уклонение от общественно полезного труда»). В этой кампании нищие и прочие девиантные сначала отошли на второй план, а потом и вовсе растворились в абстрактной категории «лиц, ведущих паразитический образ жизни».

В Российской Федерации указ о «паразитах» был принят 4 мая 1961 г. В качестве меры ответственности за «паразитический образ жизни» новый закон определял выселение в специально отведенные местности (т.е. фактически ссылку) на срок от двух до пяти лет с конфискацией имущества. Решение о выселении могло быть вынесено как по постановлению народного суда, так и по общественному приговору⁹⁴. Как свидетельствовала практика исполнения указа, он редко применялся по отношению к нищим.

Процесс разработки законодательства против «антиобщественных элементов» претерпел довольно существенные метаморфозы. Этим вопросом последовательно занимались три комиссии – под руководством А.М. Пузанова (1953-1955 гг.), Р.А. Руденко (1956-1959 гг.),

⁹³ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г., с. 355.

⁹⁴ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни», *Ведомости Верховного Совета РСФСР*, 1961.

Д.С. Полянского (1960-1961 гг.). Начавшись с новой попытки решить проблему нищенства и бродяжничества, нормотворческая деятельность закончилась принятием законов, из которых нищие и бродяги «выпали» вообще. Упоминание в тексте указа от 4 мая 1961 г. о нищих скорее следует рассматривать как дань бюрократической инерции. Подобное упоминание противоречило, кроме того, нормам права, поскольку соответствующие статьи, предусматривающие ответственность за нищенство и бродяжничество, уже были включены в уголовные кодексы союзных республик.

Подобные метаморфозы могут создать впечатление, что власть, поначалу озабочившись проблемой нищенства, потом просто «забыла» о ее существовании. На самом деле произошло то, чего добивались юристы: решение проблемы было переведено в правовое поле, в то время как процесс борьбы с «паразитическими элементами» приобрел политический характер. Власть не воспринимала социальных девиантов как своих политических противников – в отличие от деятелей теневой экономики или просто людей свободных взглядов, объявленных «тунеядцами».

Нищие и «общество»: восприятие проблемы нищенства социальным окружением

Нищенство не может существовать вне социального окружения⁹⁵, поскольку по сути своей является отношением между просящим подаяние и дающим его. Восприятие нищих «нормальным» обществом, людьми, за счет которых держится нищенский промысел, определяет не только характер коммуникации между ними. Оно кроме того может серьезно влиять на позицию государственной власти по отношению к нищенству и нищим. К сожалению, в нашем распоряжении есть не так много источников, которые отражали бы реакцию населения на существование нищенства в Советском Союзе после войны. Проблема нищенства в те годы публично не обсуждалась. В ведомственных документах неоднократно упоминается о «недовольстве трудящихся» по поводу наличия нищих, однако самих этих свидетельств в архивах почти не сохранилось. За исключением тех случаев, когда по сигналам граждан были приняты соответствующие решения партийных или государственных органов. Как свидетельствуют эти

⁹⁵ Понятие «социальное окружение» применительно к окраинным группам населения может иметь несколько значений. Социальный андеграунд (социальное «дно») сам по себе является своего рода социумом – миром, где обитают нищие, бродяги, уголовники, проститутки. Этот мир обладает собственной пространственной организацией и нормами внутренней коммуникации. В данной статье речь идет о «внешнем» социальном окружении нищих и бродяг – о так называемом «нормальном», «основном» обществе (*Kerngesellschaft*), по отношению к которому нищие занимают маргинальное положение.

документы, именно сигналы «снизу» нередко служили импульсом для принятия соответствующих постановлений и законов. Например, при подготовке решений «по нищенству» в 1952 г. (создание приемников-распределителей) и в 1953 г. (организация комиссии А.М. Пузанова) инициативными документами являлись письма граждан.

Эти письма не отражают, конечно, всей палитры общественного восприятия проблемы нищенства, но они позволяют говорить о некоторых тенденциях в развитии общественных настроений, как в целом в отношениях между «основным» обществом и его нищенствующей периферией. В своих письмах люди прежде всего стремились привлечь внимание государственных или партийных органов к проблеме нищенства, поэтому в числе адресатов подобных обращений были, как правило, высокие партийные и государственные функционеры.

Москву и Подмосковье наводнили, видимо собирались из всей Руси нищие инвалиды и юродивые. Всякий проезжающий в электрическом поезде под Москвой должен иметь полный карман монет, чтобы хотя по одной монетке подать просящим. Вы садитесь в вагон, и один за одним, вереницей тебе кланяются опустившиеся, прося подаяние. Заходят в вагон и поют всякие «псалмы», «спаси господи люди твоя», «где же вы где очи карие», «голубые глаза» и каких только не наслышались проповедей, молитв, песен, – писал старший сержант Сергеев А.А. Жданову⁹⁶.

За последние год-полтора на улицах города Ярославля появилось особенно много лиц, собирающих милостыню. Среди сборщиков преимущественно инвалиды всех видов и категорий: хромые, безногие, безрукые, слепые, глухонемые и др. Много пожилых мужчин и женщин, детей дошкольного и школьного возраста <...> С раннего утра до позднего вечера они сидят и просят у каждого проходящего подать им на пропитание, – такой запомнилась картина нищенства в своем городе П.Я. Глухову⁹⁷.

Письма о нищенстве примечательны тем, что отношение к этому явлению их авторов является довольно типичным, а рецепты лечения социальной «болезни» – схожими. На основании этих источников можно судить, что восприятие самого факта наличия нищих и нищенства в первые послевоенные годы было амбивалентным – сочувственно-осуждающим. Часть нищих, особенно калеки-фронтовики, вызывали сочувствие и сострадание. Но нищенство как способ существования оценивались как безусловное и нетерпимое «зло», несовместимое с самой природой советского строя. Пропагандистские клише в данном случае оказывались сильнее жизненных наблюдений. И тогда возникали вопросы, как у одного из корреспондентов К.Е. Ворошилова: «По каким причинам на 36-м году

⁹⁶ «Письмо старшего сержанта Сергеева А.А. Жданову, 23 июля 1947 г.», *Советская жизнь. 1945–1953 гг.*, М., 2003, с. 36.

⁹⁷ Письмо П.Я. Глухова Г.М. Маленкову о нищенстве в г. Ярославле. 22 августа 1952 г. – ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 86а, д. 8052, л. 2-3.

Советской власти у нас всплывают такие спутники капиталистического общества, как нищие?»⁹⁸.

«Как это может быть совместимо со всем укладом жизни в советской стране, строящей коммунизм, с политикой нашей партии и правительства», – задавал аналогичный вопрос автор другого письма и объяснял причину своего недоумения следующим образом:

«Все мы знаем, что после Великой Отечественной войны в нашей стране осталось очень много инвалидов, калек, сирот. Но мы также знаем, что о всех о них заботятся советское государство, партия и правительство. Они обеспечиваются материальной помощью, пенсиями, наиболее легкими видами труда в зависимости от их трудоспособности. Для безродных инвалидов открыты дома инвалидов, для детей сирот – детские дома»⁹⁹.

«Забота о человеке» – еще одно ключевое понятие, присутствующее во многих письмах. Сам факт наличия «заботы», государственной опеки по отношению к людям, в ней нуждающимся, у корреспондентов не вызывает сомнений, рассматривается как факт, не требующий доказательств. Попрошайничество воспринимается поэтому как добровольный отказ от государственной поддержки, откровенное мошенничество или недоработка местных органов. Автор одного из писем рассказал историю женщины, которую, по ее собственному признанию, вынудила просить милостыню крайняя нужда. Она была инвалидом, кроме того несколько лет провела в заключении и, когда вышла из тюрьмы по амнистии, нигде не могла найти работу. Женщина даже обращалась за помощью к секретарю Ленинградского обкома партии Андрианову, но и там получила отказ. Автор письма прокомментировал эту жизненную историю так: «Либо клевета на тов. Андрианова, либо отсутствиеальной заботы о человеке»¹⁰⁰.

Вопрос «кто виноват?», который по этой логике должен возникнуть неизбежно, решается довольно просто и традиционно: наличие нищенства объясняется в русле «ошибок» (со стороны местных органов власти) или «враждебных происксов». «Очень похоже, что это искусственное явление», – делится своими сомнениями один корреспондент, а другой уверен: «Здесь кроется какая-то большая ошибка и в первую очередь руководителей городских и областных организаций»¹⁰¹.

Факты нищенства рассматриваются авторами писем не только как противоречащие советскому образу жизни и целям советской социальной политики, но и само это явление оценивается как своего рода контрпропаганда, как «живая агитация» против советского строя. Особое

⁹⁸ Письмо М.П. Сапроненкова в Президиум Верховного Совета СССР. 27 июля 1953 года. Там же. ф. Р-7523, оп. 85, д. 2826, л. 5-7.

⁹⁹ Письмо П.Я. Глухова, л. 3.

¹⁰⁰ Письмо М.П. Сапроненкова, л. 6-7.

¹⁰¹ Письмо М.П. Сапроненкова, л. 6.; Письмо П.Я. Глухова, л. 4.

беспокойство корреспондентов вызывало то обстоятельство, что неприглядную картину советской действительности могут увидеть иностранцы.

Миллионы агитационных статей, фильмов, постановок, славящих нашу систему, иногда не имеют такой силы, как имеют обратную силу живые люди, создающие впечатление, что наша страна – это страна нищих¹⁰².

Это создает почву для различной шумихи, клеветы и наговоров на нашу страну¹⁰³.

Наши враги <...>, показывая на нищих-калек, сидящих на всех улицах и перекрестках города, будут кричать о бедности в Советском Союзе, о безрадостном положении инвалидов и сирот, о безразличном отношении к ним¹⁰⁴ советской власти и т.д. и т.п.

Высказывались предложения в адрес МВД, «подобрать и проверить всех нищих» на благонадежность: «может быть, там половина шпионов, агитаторов против советской власти»¹⁰⁵. Однако, подобные идеи являлись скорее исключением. В целом же граждане, пишущие в партийные и государственные инстанции о нищенстве, были озабочены не только сохранением привлекательного «фасада» советской жизни. Большинство из них предлагали конкретные меры по преодолению этого социального «зла». Примечательно, что эти предложения касались главным образом не ужесточения штрафных санкций против нищенства, а развития системы социальной опеки – увеличения размеров пенсий и пособий, строительства новых интернатов для инвалидов и стариков, улучшения условий содержания людей в них. Несмотря на признание самого факта государственной «заботы о человеке», некоторые корреспонденты высказывались за то, чтобы поддержать программу помощи бедным за счет средств населения. Фактически в этих предложениях возрождалась идея частной благотворительности, в советские времена забытая и не востребованная. Правда, инициатива частных пожертвований, как считали сторонники этой идеи, должна была получить государственную поддержку и соответствующую организацию:

Трудящиеся нашей страны никогда не откажутся уделить какую-то часть своего заработка для того, чтобы одинокие престарелые люди, инвалиды труда и войны, потерявшие своих родителей, имели постоянно теплый угол, питание и одежду. Чтобы они не испытывали голода и холода, не считали себя брошенными на произвол судьбы¹⁰⁶.

¹⁰² «Письмо старшего сержанта Сергеева...», с. 36.

¹⁰³ Письмо комсомольцев из г. Киева. 1955 г. – РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 125, л. 78.

¹⁰⁴ Письмо П.Я. Глухова, л. 4.

¹⁰⁵ «Письмо старшего сержанта Сергеева...», с. 36.

¹⁰⁶ Письмо П.Я. Глухова, л. 5.

Комсомольцы Киева выступили с предложением, «кинуть клич по комсомолу» и собрать таким образом средства для строительства интернатов для инвалидов войны и труда. Другим источником финансирования этой программы, по мнению авторов коллективного письма, мог бы стать прокат «трофейных» фильмов, выручка от которых пошла бы на поддержку инвалидов, в первую очередь инвалидов Отечественной войны:

Разве те же инвалиды Отечественной войны не заслужили своей кровью, слепыми глазами и оторванными руками и ногами, чтобы средства хотя бы за эти кинофильмы были использованы для них?¹⁰⁷

Отношение к нищенству изменилось в середине 1950-х годов, когда эта проблема начинает обсуждаться в контексте кампании борьбы против «паразитизма» и «тунеядства». На основании доступных источников можно отметить как одну из тенденций практическое исчезновение из общественного дискурса сочувственного мотива по отношению к нищим и нищенству. Нищий теперь все больше воспринимается как «паразит с протянутой рукой»¹⁰⁸. Издание закона о пенсиях рассматривалось в этом же контексте как гарантия от нищенства. В процессе обсуждения проекта Закона о борьбе с «антиобщественными, паразитическими элементами» в 1957 г. высказывались мнения о необходимости не только наказывать людей, занимающихся нищенством, но создать систему социальной ответственности вокруг этого вида отклоняющего поведения. Участники обсуждения выступали за то, чтобы распространить ответственность на лиц, заставляющих престарелых людей заниматься нищенством, на детей, которые отказываются от материальной поддержки престарелых родителей, а также на родителей, понуждающих детей к попрошайничеству¹⁰⁹.

Сравнение обоих дискурсов проблемы нищенства – официального (в том числе и нормативного) и общественного – показывает, что при общем негативном отношении к самому факту попрошайничества и нищим как категории населения они отличались известным своеобразием. Для обычных людей, сталкивающихся с попрошайничеством в житейских ситуациях, нищие были не абстрактной категорией «лиц, ведущих антиобщественный образ жизни», а вполне конкретной проблемой, которую необходимо было решать. Если нищие кому-то действительно «мешали жить», то прежде всего своим потенциальным «клиентам», то есть социальному окружению. Несмотря на это, «общество» в большей степени, чем «государство» было

¹⁰⁷ Письмо комсомольцев из г. Киева, л. 78.

¹⁰⁸ Письмо В.А. Шибанова в газету «Правда», 11 октября 1956 г. – ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 45, д. 201, л. 26.

¹⁰⁹ Справка Юридического отдела Президиума Верховного Совета РСФСР о ходе обсуждения проекта Закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» в РСФСР. 31 октября 1957 г. – ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 32, д. 6416, л. 44-59.

настроено в пользу социальных стратегий решения проблемы и расширения зоны гражданской ответственности. В нормативном дискурсе присутствовали обе тенденции – социальная и репрессивная – однако в итоге в процессе разработки законов против «тунеядцев и паразитов» развитие нормативной базы пошло по пути ужесточения штрафных санкций за занятие нищенским промыслом. В середине 1950-х годов в государственной политике состоялся поворот к социальным программам, вместе с тем в их «пакете» не было предусмотрено специальной программы защиты от бедности и помощи группам риска. Развитие системы признания инвалидов и престарелых осуществлялось на прежних государственно-патерналистских принципах. Идеи частной благотворительности и готовность граждан собственными средствами участвовать в программах социальной поддержки бедных и инвалидов оказались невостребованными. Разработка адаптационных стратегий вообще осталась за рамками как государственного, так и общественного дискурсов. В лучшем случае речь шла о трудовом обучении инвалидов и трудоустройстве лиц с ограниченными возможностями. Однако главными условиями их жизнедеятельности оставалась пространственная, а значит, и социальная изоляция от «здорового» общества¹¹⁰. Подобное параллельное существование было не только следствием государственной политики. Само общество было пока не готово принять людей с «обочины».

Institut Rossijjskoj Istorii RAH

elenazubkova@mail.ru

¹¹⁰ Подробне о политике социальной изоляции инвалидов см.: О. Шек, «Социальное исключение инвалидов в СССР», П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова, ред., *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сборник научных статей*, Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований; Изд-во «Научная книга», 2005, с. 375-397.